

И вот разъехались далеко сэр Ланселот и сэр Гавейн и пустили друг на друга коней во всю мочь и во весь опор, сшиблись и ударили один другого в середину щита. Но так могучи были рыцари и так тяжелы их копья, что не выстояли кони под этими ударами и рухнули наземь. Встали рыцари, бросив узду, перетянули наперед щиты и, сойдясь, стали рубиться, нанося один другому жестокие удары по всему телу, так что кровь хлестала у них отовсюду.

А у сэра Гавейна была такая тайная сила в ладанке, полученной от святого старца, что всякий день в году с девяти часов утра и до полудня за три часа мощь его возрастала втрое против обычного. И это помогло сэру Гавейну снискать себе немало славы. Из-за него-то и издал король Артур такое повеление, чтобы все поединки Божьего суда, которые должны были происходить пред королем Артуром, назначались как раз на это время; и все это – ради сэра Гавейна, дабы он, если случится ему выступить на одной стороне, успел одержать в поединке верх, покуда сила его не начнет убывать. Но мало кто из рыцарей в то время знал о тайном преимуществе сэра Гавейна, кроме одного лишь короля Артура.

А сэр Ланселот продолжал биться с сэром Гавейном, и, чуя, как все возрастает у того сила, испугался сэр Ланселот, как бы ему не потерпеть поражения, ибо, как повествует Французская Книга, он подумал, почуяв, как удвоилась сила сэра Гавейна, что это сам дьявол с ним бьется, а не смертный человек.

И стал тогда сэр Ланселот наклоняться и уклоняться и щитом загораживаться и так сберегал свои силы и дыхание в продолжение трех часов. И немало нанес ему за то время сэр Гавейн могучих ударов, рубя и коля, так что все рыцари, следившие за сэром Ланселотом, дивились, откуда берутся у него силы все это выстоять, но и им невдомек было, как трудно приходилось сэру Ланселоту.

Но когда миновал полдень, пропала волшебная мощь сэра Гавейна, и осталась у него лишь его собственная сила. Почувствовал сэр Ланселот, как поник сразу же сэр Гавейн, выпрямился он с во весь рост, подошел к сэру Гавейну и сказал так:

– Ну, теперь чую я, что могли, вы уже сделали. И теперь, господин мой сэр Гавейн, наступил мой черед! Ибо за нынешний день я натерпелся от вас немало и принял жестоких и могучих ваших ударов без счета.

И удвоил сэр Ланселот свои удары и с такою силой обрушил меч на шлем сэру Гавейну, что тот рухнул во весь рост на бок. А сэр Ланселот от него отступил.

– Зачем ты отступаешь от меня? – спросил сэр Гавейн. – Вернись, коварный рыцарь-предатель, и убей меня насмерть! Ибо, если ты меня так оставишь, знай, что лишь только я оправлюсь, я буду биться с тобою снова!

– Сэр, – отвечал сэр Ланселот, – как-нибудь, с Божьей помощью, я выстою против вас! Но знай, сэр Гавейн, что поверженного рыцаря я разить не стану.

И с тем сэр Ланселот удалился и вернулся в город. А сэра Гавейна отнесли в шатер короля Артура, и призваны были к нему тотчас же лучшие лекари, и они осмотрели и промыли ему раны и смазали утешающими снадобьями.

Сэр же Ланселот сказал так:

– Приветствую вас, господин мой король! Но знайте, что у этих стен вам не завоевать себе славы, ибо захоти я вывести из города моих рыцарей – и многие достойные мужи примут смерть свою. А потому, господин мой Артур, не забывайте о прежней любви между нами, и да наставляет вас во всяком деле Иисус, что бы ни случилось дальше со мною.

4

– Увы мне, – сказал король, – зачем только началась эта злосчастная война! Сэр Ланселот постоянно и повсеместно щадит меня и избегает боя со мною и со всеми моими сородичами, и это все видели нынче, когда он столь благородно поступил с племянником моим сэром Гавейном.

И заболел Артур от горя, что сэр Гавейн столь жестоко изранен и что между ним и сэром Ланселотом идет война. И долго еще после этого войско короля Артура продолжало осаждать город, но схваток у них почти не было, ибо осажденные сидели за стенами и только защищались, когда была нужда.

А сэр Гавейн пролежал в своих шатрах три недели больной и недужный в окружении лучших лекарей, каких только удалось сыскать. Но лишь только смог он ходить и ездить верхом, он